

ПЕРСОНА

В комнату быстрой походкой входит Викток: ярко-красный клетчатый пиджак, затемненные очки. Комната в секунды наполнилась свежим, чуть сладким ароматом.

— Роман Григорьевич, как называется парфюм? — не удержалась я.

— Не скажу.

— Ну скажите, куплю для мужа.

— Он здесь не продается

— А где же?

— В Париже. Ну, пишете, пишете на свой диктофон — у меня с таких вопросов каждое интервью начинается!

“Масенькие супружеские преступления...”

— Роман Григорьевич, маленькая просьба: вас не затруднит снять очки? Глаз не видно, а они, говорят, зеркало души.

— Да нет, не стоит. Зачем?

— А что вы скрываете за темными очками? Морщины? Самого себя? Или просто часть имиджа?

— Боже упаси!

— А зачем они вам нужны?

— Спрятаться, от себя... Всегда должен быть барьер, граница.

— То есть от мира скрываетесь?

— Каждый раз. И смотрю только внутрь себя, только в свой мир.

— И что же вы там видите, Роман Григорьевич?

— А там всегда хорошо. Совершенная гармония. Думаю, Нуреев Рудольф замечательно сказал: самая большая трагедия — когда у человека нет внутренней гармонии, единения с собой. Это он говорил перед смертью...

— Роман Григорьевич, тогда скажите: накануне своего юбилея...

— ...не знаю, не знаю...

— Все же продолжу. Почему решили взяться за “супружеские преступления”?

— Ой-ой, отличная тема для беседы! Значит, рассказываю... Тихо всем! — Роман Григорьевич шикнул на официантов и своих помощников. — Слушай, Мусенька. Эта пьеса “Масенькие супружеские преступления” написана Габриэль Запольской. Она похоронена во Львове, и на ее могиле всегда свежие цветы. Как у Ивана Франко и других украинских героев. Так вот, я знал многие пьесы Габриэль, поскольку читаю по-польски. Совсем недавно перечитывал “Масенькие супружеские преступления” — и понял вдруг: она настолько тонко еще в начале века позволила себе написать о непростых отношениях. Там сюжет: взрослый мужчина влюбляет в себя 18-летнюю, а взрослая женщина влюбляет в себя 19-летнего. И вот они хотят обогатить свою кровь в новое состояние посредством вот этих любовей. Что из этого получается? Это безумно интересно...

Габриэль, конечно, не знала ни открытий Фрейда, ни садомазохистских штук. Но на сегодняшний день человечество уже прошло через все это. Естественно, на пьесу невозможно смотреть, избегая таких вот вещей. И за счет садомазохизма “Масенькие супружеские преступления” даже выигрывают. Создается ощущение, будто написаны вчера.

— Роман Григорьевич, то есть без неожиданных решений не обошлось?

— Конечно! Это будет сделано в единственно правильном сегодня жанре — театральном ритуале. То есть на сцене происходит молитва четырех героев... Сыграют замечательные Олег Исачев Людмила Погорелова, Дмитрий Малашенко, Аня Просвирина. Их героев не понимают...

“Я взял товарища за сиську...”

— А вас часто не понимали? Не принимали?

— Было и такое, но я счастлив тем, что ставил при советской власти тех авторов, которых система не принимала: Вампилова, Петрушевскую, Радзинского... Причем в театрах, которые обслуживали власть: МХАТ, имени Моссовета, Вахтангова. Помню, в канун празднования 50-летия образования СССР позвонил мне Ефремов и спросил: что же я хочу поставить? Я ответил — Ивана Франко, “Украденное счастье”. А в день самого праздника вывесили афишу — и представьте, на МХАТе, главном театре страны, написано: к 50-летию образования СССР — “Украденное счастье”. Сама понимаешь, афишу сняли, а вечером на спектакле присутствовали члены Политбюро. Да что говорить, даже на премьеру “Анны Карениной” Косыгин приходил.

А спектакль, который в Театре Моссовета шел

Он принимал меня на втором этаже пафосного “Националя”. В центре переговорной комнаты, арендованной специально для встреч с журналистами, — массивный круглый стол. Выстроенные официанты подают меню. Через пару минут — он:

“Извините, а у вас нет свежеежытого сэлдерэра?” Ну как же не найти какого-то сельдерея для НЕГО, для Романа Виктюка!

Через десяток дней ему стукнет семь десятков лет. А Роман Григорьевич, собственной персоной, все такой же неутомимый. В канун круглой даты он разразился новой премьерой. Викток позарился на пьеску с названием, совсем не соответствующим его почтенному возрасту.

А именно:

“Масенькие супружеские преступления”.

Интригует...

Роман Григорьевич и чичирки

Режиссер Викток: “На 50 процентов я женщина”

— Да-да, писали — зрители покидали свои места.

— Вранье! Это было с пьесой “Давай займемся сексом”

Ой, помню, еще был скандал. Когда ставил только первый раз. То была пьеса “Все это не так просто”. Сюжет революционный по тем временам. Ученик 10-го класса поспорил со своими одноклассниками, что он влюбит в себя девочку и та станет ходить за ним по пятам. На спектакль пришли все представители горкомов, профкомов. После занавеса эти старики вскочили со своих кресел и закричали: кто допустил, что школьники могут любить?! А школьники кричали: “Браво!” — и не хотели покидать зал. Тогда я обратился к критиканам и сказал: спросите молодежь! Начальник Наробраза сказал: “Це ж таки б..., як и ты!” А молодежь засвистела и закричала на этого начальника. Поверьте, это была революция! После спектакля начальники даже заявили: до 25 лет девочка не может посмотреть на парня, а парень — на девочку...

“Чтоб чичирки было больше...”

— Роман Григорьевич, снимите все же очки. Я не вижу ваших глаз.

— Боже мой, да все видно, они же почти прозрачные.

— Ошибаетесь.

— Ну, снял...

Роман Григорьевич почти рывком снимает очки и бросает их на стол.

— А сколько вам было, когда впервые влюбились?

— Я все это помню. Это случилось в ту пору, когда вы приехали к нам на танках и освободили от немцев. Сразу город преобразился и появилось

много солдат. У нас в однокомнатной квартирке ночевало десять, двенадцать, пятнадцать солдат. Все дружили. Собирали для них продукты и у нас дома варили этим зольдатам еду. И вот этажом выше поселился полковник...

— И что же?

— А него было две дочки. Одной из них было 13 лет, и звали ее Люся.

— Прекрасный возраст.

— Ну, Мусенька, самый лучший возраст. Она играла в тех спектаклях, которые я ставил на нашем этаже. Это длилось долго, год точно. И вдруг ее папу переводят в Россию. Она подарила мне свою масенькую фотографию. Днем, я это помню, ровно в пять часов приехали солдаты и стали выносить вещи и ставить в грузовик. И вдруг, когда мотор сделал тыр-тыр-тыр, Люся выскакивает из машины и кричит: “Я никуда не поеду!” И бросается мне на грудь. Уцепилась в меня. Солдаты стали ее от меня отдирали. Это как в фильме “Летят журавли”. А она все кричит: “Я никуда не поеду!” Потом я это увидел в пьесе “Три сестры”.

— И часто у вас вот такие разочарования случались?

— Конечно. Я ж про это ставлю спектакли. Каждый спектакль — это опус о тайне человеческих отношений.

— Вы одиноки?

— Нет, нет, Боже упаси. Смотря с какой философией к этому относиться. Один великий сказал: когда человеку не скучно с собой — это и есть роман, который длится всю жизнь и который только возносит. Но вот, например, у Юрия Завадского был и сын, и жены, но он чувствовал себя очень одиноким человеком. Понимаешь?

— Извините, Роман Григорьевич, а как вы относитесь к разговорам: мол, пропагандируйте гомосексуальную тему?

— Это вранье! Я поставил сто пятьдесят спектаклей — и ни одного о пропаганде таких отношений нет. Вранье! Об этом я сто раз уже говорил, а они все время об этом пишут! Вранье!

— Да я тоже так думаю, Роман Григорьевич, но пишут же — значит, не просто так?

— Ни одной пьесы нельзя к этому причислить. И “Служанки” Жана Жене не имеют к этому никакого отношения, а имеют отношение только к постижению профессии через воображение. В таком случае весь шекспировский театр, японский, английский, китайский — всё прославление однополую любви. Смешно, наивно, глупо. Как и работа, которую мы тоже сейчас репетируем: “Непостижимая женщина, живущая в нас”.

— Извините, и в вас тоже живет женщина?

— Естественно. И об этом пьеса.

— И какая она?

— Если верить началу Серебряного века — а я должен был жить именно там, — то у Блока, Соловьева это была небесная София. Есть вторая реальность, которая важнее, чем эта. И именно в той реальности есть тот принц или та принцесса — если говорить сказочным языком, — которая тебя ждет...

— И все же в вас больше — мужского или женского?

— Должно быть одинаково. В Творце — 50 на 50. Так должно быть запрограммировано природой.

Вот я же преподаю в ГИТИСе — профессор, к сожалению. Вот приходят на курс молоденькие девочки, а им уже кричат, что они развратны, что они уже трахеемые. Тем самым сразу из них выбивают ощущение мужской самозащиты! И женское начало тоже убивают! В итоге приходят в театр уже совершенно беспольные артистки! Как я говорю — без чичирки и без манюрки. Вот приходят ко мне — и сразу вижу, насквозь, и тут же диагноз: очень хорошая, но без чичирки!

— А я?

— Ты с манюркой.

— А это что такое?

— Манюрка — это женский орган.

— Ну, этого, безусловно, у меня не отнять...

— Если бы ты пришла на артистку, сказал бы: 70 процентов в тебе женского и тридцать мужского. Это хорошо... Но мы бы с тобой как-то так учились бы, ты делала бы соответствующие упражнения... Чтобы чичирки больше появилось... Но это же целая наука! Да на это годы уйдут!

P. S.

— Роман Григорьевич, вы были откровенны?

— Конечно!

— Напишите мне свой номер мобильного.

— Пожалуйста! — Викток выводит карандашом: 62...

— Нет-нет, я уже достаточно наслушалась стихов в вашем исполнении на автоответчике вашего домашнего телефона. Я же говорю, мне мобильный...

— Ну что такое, она меня мучает... Пожалуйста! 890...

Оксана ХИМИЧ.